

## ХАРАКТЕРИСТИКА ПРИЧИН СОЦИАЛЬНЫХ ДЕЗАДАПТАЦИЙ СОВРЕМЕННЫХ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ \*

Социальная адаптация взрослеющего человека — это «...способность подростка к социальному, нравственному, бытовому выживанию, статусному самоутверждению, сотрудничеству в существующих и новых, ожидаемых и непредвиденных обстоятельствах, готовность выбрать различные способы жизнедеятельности, сохраняя свою индивидуальность»<sup>1</sup>.

Традиционно считается, что «трудные» подростки — это выходцы из неблагополучных семей: семей с одним родителем, семей с нарушенными социальными функциями (семьи алкоголиков, осужденных и т.п.).

Однако современные исследования показывают, что выделение категории детей с трудностями в социальной адаптации (иначе дезадаптированных) является очень сложной задачей, поскольку критерии их определения в научной среде неоднозначны. Более того, грань между «трудными» и «обычными» подростками постепенно становится все более условной.

Проведенное социологическое исследование<sup>2</sup> показывает, что отправной точкой развития отклоняющегося поведения могут стать особенности ситуаций социальных рисков, в которых могут оказаться современные дети.

Сегодня эти ситуации образуются, например, вследствие взаимных **несовпадений ожиданий**. Например, несовпадения ожиданий «социума», с его структурными ограничениями в целом, предписаниями, ожиданиями, требованиями нормативности, давлением представлений о социальном успехе, обязательными канонами, необходимостью совершать постоянные социальные, культурные, образовательные и т.д. выборы, — всего того, что порой очень жестко обрушиваются на взрослеющего человека — с одной стороны, и ожиданий самого подростка со своими желаниями, опасаящегося того, чтобы

---

<sup>1</sup> Вульф В.Б., Иванов В.Д. Основы педагогики: Учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во УРАО, 1999.

<sup>2</sup> На пути к преступлению: девиантное поведение подростков и риски взросления в современной России (опыт социологического анализа) / коллективная монография: под науч. ред. М.Е. Поздняковой и Т.А. Хагурова. Краснодар: Кубанский гос. ун-т. М.: Институт социологии РАН. М.; Краснодар, 2012.

\* Болелова А.Г. Быть частью хорошего: современные технологии профилактики правонарушений несовершеннолетних. научно-методическое пособие / Под ред. Е.Г. Артамоновой. М.: АНО «ЦНПРО», 2015. 160 с.

социум не «перемолол в пыль» его базовое чувство доверия. Или несовпадение ожиданий школы/учителей/школьной администрации/воспитателей и ребенка.

Первые со своей стороны рассчитывают на «подростка, который бы не доставлял особых хлопот», т.к. они и так подвержены колоссальному давлению системы в целом, необходимостью жесткого соблюдения ее стандартов, выполнения количественных и качественных показателей, соответствия родительским ожиданиям своих подопечных, рассчитывающих на школу как на «детское хранилище», и, в месте с тем, несовпадения ожиданий школы, которая рассчитывает на «не проблемного подростка» в силу своей пока сохраняющейся функциональной ригидности, воспитательной императивности, психологической неготовности и невозможности отзываться на «замаскированные просьбы о помощи», отвечать актуальному подростковому запросу.

По большому счету, то же взаимное несовпадение ожиданий может быть между детьми и родителями, членами семьи, родственниками и тогда это может принять, например, форму родительского пренебрежения (в том числе эмоционального) — с одной стороны, а со стороны ребенка — пропуски занятий, рискованное сексуальное поведение и т.д.

Недостаточная опека семейно-родственного окружения приводят к тому, что некоторые из них оказываются жертвами негативных установок по отношению к себе, родителей «не живи», «не делай», «не верь», «не будь ребенком», «не будь самим собой», «не расти»; критического давления учителей или полного их равнодушия, агрессивного или несправедливого отношения сверстников, искушений «виртуального мира» и пр.

Несовпадение может быть связано и с окружением ребенка, с его ровесниками, компанией, проявляться как онлайн, так и офлайн — и тогда могут возникать и случаи травли, буллинга, конфликтов и т.п.

Когда эти «ситуативные конструкции» накладываются друг на друга ситуации могут быть еще более сложно распознаваемыми, но от этого не менее серьезными.

Поэтому сегодня нельзя раз и навсегда четко выделить группы трудных детей, которых раньше следуя «естественной» логике опознавали педагоги, психологи и социологи. Теперь только лишь в связи с ситуационным контекстом и можно выяснить, какие же категории детей представляют именно сейчас «трудность»? Кто и как сегодня «рискует», прежде всего, своей безопасностью, здоровьем жизнью, и кто органичен или вовсе лишен того, что есть вокруг прекрасного, полезного, интересного, развивающего,

мотивирующего к познанию, переживанию и сопереживанию, прощению, дружбе, любви и т.д.?

Таким образом, предлагается перейти от анализа «групп риска» и «трудных детей» к анализу разнообразных «рисков взросления» и связанных с ними ожиданиями педагогов, родителей и самих подростков.

Первый из них связан с *«виртуальным исчезновением» значимых взрослых*, в первую очередь родителей, сводящих к минимуму время живого общения с ребенком. Этот тип рисков получил даже отдельное название — «позиционного сепаратизма» (позиция обособленности и игнорирования). Это проявляется в том, что каждый из членов семьи вроде бы физически находится в одном пространстве, но в тоже время пребывают в своем информационном поле.

Еще один тип рисков касается *изменения роли учителей* в жизни учеников. Из воспитателей в широком смысле этого слова они превратились в «поставщиков образовательных услуг». Результатом этого стало разрушение в школе особой доверительной атмосферы, помогавшей в исправлении даже самых трудных подростков.

Да и нередко конфликты с учителями считаются верным признаком отклоняющегося поведения подростков. Между тем, исследования показывают, что в средних и старших классах через ухудшения отношений с учителями проходят до трети учащихся!

Другим рискогенным фактором является *страх одиночества, проявляющейся не только в склонности к суицидам, но и в зависимости от социальных сетей*. Новой тенденцией становится стремление подростков выделиться у себя на интернет-страницах. Психологи и социологи замечают серьезные изменения, произошедшие в практиках самопрезентации подростков. Для них сконструированный образ в социальной страничке, получивший как можно большее количество одобрений — «лайков» является не просто нормой, но обязательным условием для полноценного включения в компанию. Собственно, сами друзья сегодня из товарищей по общему делу все больше превращаются в собеседников по телефону и социальным сетям.

В отдельную группу выносятся *риски злоупотребления аудиовизуальными источниками информации* в противовес любви к книгам и чтению. Психологические последствия уже сейчас проявляются в снижении навыков критического мышления и задержке развития абстрактно-логического восприятия. Некоторые эксперты ставят вопрос гораздо шире — о культурном капитале сегодняшних подростков.

Наконец, часть рисков обусловлена *культурной инверсией ценностей*, проявляющейся в том, что образцом для подражания подростками все чаще выбирается какой-либо криминальный романтический персонаж из современных фильмов и сериалов.

Исследователи в этом плане отмечают, что современное детство лишено тех общепризнанных символических маркеров взросления, которые были в советское время и к которым привыкли как учителя, так и родители. Тогда их функцию выполняли пионеры и комсомольцы — герои Великой Отечественной Войны, показывая, что даже подростки могут добиться много. Но вместо коллективизма, сейчас в моде у подростков и молодежи «адаптационный индивидуализм» — нацеленность на личный жизненный успех, настойчивость в достижении собственных целей и неразборчивость в средствах получения результата

Как уже было отмечено, кризисный возраст наиболее сложен в воспитательном отношении, поскольку подросток склонен вырваться из-под опеки взрослых (родителей, педагогов) и проявить самостоятельность в решении актуальных проблем саморазвития. В то же время бедность субъектного опыта выхода из трудной жизненной ситуации затрудняет решение личностных проблем, а принять помощь от взрослого — значит, по мнению подростка, утратить саму самостоятельность.

И хотя, в условиях семьи в детстве ребенок был погружен в поле семенной идентификации. Семейное «Мы» — первая группа, которая принимается в детстве как данность. Сами родители, родственники, принадлежащий им мир вещей, семейные традиции, стиль взаимоотношений в детстве воспринимаются как неизменная сущность бытия.

Однако, набирая опыт жизни, подросток открывает для себя многообразные семейные отношения, которые отличаются от родительской семьи. В то же время он начинает испытывать потребность расстаться с фамильной идентификацией, растворяющей его в лоне семьи. Он испытывает потребность в более универсальной, более широкой идентичности и одновременно в укреплении своего собственного чувства личности, в обособлении своего «Я» от семейного «Мы». Поэтому подросток обращает свой критичный взор к семейным традициям, ценностям и фетишам.

***Семья с высокой рефлексией и ответственностью*** понимает, что ребенок взрослеет и что с этим надо считаться, изменяя стиль взаимоотношений. К подростку начинают относиться с учетом появившегося у него чувства взрослости. Не навязывая своего внимания, родители выражают готовность обсудить его проблемы. Характер

подростка из семьи с высокой рефлексивностью и ответственностью развивается вполне благополучно (если, конечно, здесь нет угнетающих это развитие предпосылок). Он строит свои отношения с окружающими (взрослыми и сверстниками) преимущественно по адекватно лояльному типу.

**Семья — это так называемая подушка безопасности.** Ценностные ориентации подростка в такой семье направлены на проникновение в ценности всего многообразия реальной действительности: предметного мира, образно-знаковых систем, природы, самого социального пространства непосредственных отношений людей. Высокая рефлексия окружения создает благоприятные условия для духовного развития подростка.

В семье, **отчужденной к подростку** относятся так же, как и в детстве, — им мало интересуются, избегают общения с ним и держатся от него на расстоянии. Отчужденные родители уже сделали свой вклад в развитие характера своего ребенка: он или тоже стал носителем отчужденных форм поведения и обладателем отчужденной души, или у него сложился горький комплекс собственной неполноценности. Тенденции развития его характера как способа взаимодействия с другими людьми уже отчетливо проявляют себя: превалируют нигилистические реакции, ажиотированная агрессия или неадекватная лояльность, пассивный стиль поведения.

Подросток в такой семье чувствует себя лишним. По большей части он устремляется на улицу к своим сверстникам, где ищет удовлетворения в общении. Стиль общения со сверстниками дублирует, как правило, способы его взаимодействия в семье. Отчужденная семья может ограничить возможности ребенка в развитии.

**Семья авторитарная** по сложившимся стереотипам продолжает предъявлять подростку те же жесткие требования, что и в детстве. Обычно, если это было принято ранее, здесь продолжают применять и физические наказания (в детстве — шлепали, теперь могут «врезать»). В авторитарной семье подросток так же одинок, несчастен и неуверен в себе, как и в детстве. Однако тенденции развития его характера уже отчетливо вырисовываются: он становится носителем авторитарного способа взаимодействия с людьми или, напротив, демонстрирует униженную неадекватную лояльность, пассивность, за которой стоит высокая невротизация неуверенного в себе подростка. Авторитарная семья также может ограничить возможности подростка в развитии.

В семьях с **попустительским отношением** продолжает господствовать принцип вседозволенности. Эгоизм и сопутствующая ему конфликтность — основные характеристики характера подростков из таких семей. Здесь подросток несчастлив вдвойне:

\* Болелова А.Г. Быть частью хорошего: современные технологии профилактики правонарушений несовершеннолетних. научно-методическое пособие / Под ред. Е.Г. Артамоновой. М.: АНО «ЦНПРО», 2015. 160 с.

сам по себе возраст — уже кризис личностного развития плюс еще недостатки, сформированные в его личностной позиции отношениями вседозволенности, чего ему никогда не предложит действительная жизнь.

**Подросток в гиперопекающей семье** вырастает под пристальным вниманием и заботой родителей, у которых масса своих внутренних проблем, возникающих по большей части на основе личных трагедий и комплексов. С подростком родители по-прежнему не расстаются, опекают его не только извне, но стремятся завладеть и его душевными переживаниями. Здесь подросток, как и в детстве, не уверен в себе. В случае необходимости он не может дать отпор, но и не может сам построить позитивные отношения. Он пассивен, принужденно лоялен.

**Подростки, живущие в деградирующих семьях**, где родители дерутся, принимают алкоголь, наркотики, распутничают, обычно заражаются этими недугами еще в детстве. Подросток может быть причислен к алкоголизирующей или наркотизирующей группе, если подобные проступки повторяются достаточно часто (1–2 раза в месяц).

**В неполной семье (здесь чаще нет отца)** подросток начинает себя чувствовать особенно некомфортно. Ведь именно в этот период возникает острое чувство потребности в отце, ибо половая идентификация у подростков осуществляется в соотношении себя с родителями обоего пола. Кроме того, для подростка очень значима его общая социальная ситуация, которая формируется, помимо прочего, и составом семьи. Наличие обоих родителей положительно представляет подростка в среде ровесников. Отсутствие отца ослабляет его социальную позицию.

**Подросток в приемной семье** — сложная проблема в отрочестве, особенно, если он знает, что его отец и мать не являются биологическими родителями. Если же ему повезло, и он обрел хорошую семью, он все-таки постоянно испытывает внутреннее напряжение и неуверенность в том, как к нему относятся его приемные родители. В то же время его волнует и то, как оценивают лично его сверстники в связи с тем, что он не имеет кровной семьи.

**Особые условия жизни в отрочестве — пребывание в учреждениях интернатного типа.** Если подростки находятся здесь с первых лет (с младенчества) и раннего возраста, они адаптируются к жизни в таком учреждении. Они достаточно хорошо чувствуют специфику взаимоотношений служащих здесь взрослых, ориентируются в официальной и неофициальной их иерархии и, исходя из реального их поведения, хорошо знают им цену.

В то же время подросток, живущий в интернате, достаточно тонко ориентируется в иерархии межличностных отношений и интуитивно стремится найти в ней свое место. У детей стихийно складывается детдомовская солидарность, выражаемая в позиции «Мы». Это психологическое образование хотя и возникает в детстве, но по-настоящему формируется именно в отрочестве. «Свои» пользуются защитой вне дома перед теми, кто из семьи, — это «чужие». Здесь особая нормативность: чужого можно провести (и это будет предметом особой похвальбы). При этом детдомовский подросток вполне отдает себе отчет в возможных последствиях.

У подростков, лишенных родительского попечительства, масса проблем, которые неведомы их сверстникам из нормальной семьи. Эти подростки психологически отчуждены от людей («Они»), и это дает им свободу к правонарушениям. Скученность во всех помещениях приводит к необходимости постоянно контактировать с другими, что создает эмоциональное напряжение, тревожность и одновременно усиливает агрессию. В условиях интерната у подростков складывается агрессивный, игнорирующий или пассивный тип поведения и эмоционального реагирования. Адекватный лояльный тип поведения формируется крайне редко, если подросток обладает внутренней силой и его ценностные ориентации направляют его на идентификацию с идеалом или с реальным человеком, счастливо встреченным им. В то же время они практически не владеют навыками ориентации в социуме, бытовыми навыками и т.д. Не знают, где оплатить квартплату и каковы их права и обязанности, что является показателями социальной дезадаптации.

В подростковом возрасте существенно меняется роль учащегося по отношению к себе и к окружающим, и это во многом обуславливает выбор им различных видов деятельности. Такой выбор становится более дифференцированным и индивидуальным. Недостаток способов и средств самоутверждения в глазах сверстников и взрослых порождает появление дезадапционного поведения.

По мнению ученых, успешная социализация молодых людей достигается не через усвоение и адаптацию существующих норм, а через приобретение навыков самообеспечения и организации жизни как «открытого процесса». Молодые люди сами создают идентичности, не опираясь на «реальные» сообщества (класс, локальность, этничность), присоединяясь к некоторым стилевым солидарностям, потребительские практики которых не зависят от коллективного регулирования.

По данным исследований участие в ненормативных практиках, к которым относится курение и распитие алкоголя несовершеннолетними и употребление наркотических

веществ, происходит в условиях нормализации, когда употребление и все его последствия являются частным делом участника группы. Кроме того, включение в те или иные практики в рамках сообщества является не досуговой формой, но становится стилем жизни индивида, который в том или ином виде проявляется на уровне повседневных практик.

По результатам исследований кампания — это одна из важнейших и значимых единиц молодежной повседневности, которая строится на доверии, искренности и регулярных практиках коммуникации. Если говорить об основных современных тенденциях практик и активностей молодежи, входящей в различные группы и сообщества, это:

- экстремальность, стремление к рискованным практикам вплоть до нарушений границ социальных норм и предписаний, вызова общественному мнению;
- самоконструирование через создание перформативной идентичности (воображаемой, фантазийной, реальной), отказ от стилевых обязательств, приписанных статусу, игровые практики, популярность групповых около интеллектуальных игр, разыгрываемых публично, например, мафия;
- эстетизация и театрализация повседневности и публичности через усвоение и использование различных творческих техник и профессиональных навыков.

Эти тренды характерны для самых разных форм групповых коммуникаций, различия кроются в способах. Так, например, эти черты могут присутствовать и в компаниях новых молодых интеллектуалов, и в праздновании победы своей команды футбольных фанатов.

Следует сделать еще одно важное замечание. Современные молодежные сообщества включают одновременно в себя большое количество разных активностей. В ситуации перенасыщенного информацией пространства это приводит к тому, что говорить об однозначно высоких и низких статусных позициях в сообществе сложно. Скорее можно сказать о том, что в разных ситуациях на первый план выходит успешность демонстрации тех или иных ресурсов.

Одной из концептуально отличающих практик, конструирующих молодежь как особую социальную группу, является избыток временного ресурса, который может распределяться по индивидуальному усмотрению и описывается преимущественно не через выполнение обязательств перед взрослыми, а в качестве свободного времени. Речь идет о практиках, которые составляют основу сообщества. Так, для молодежных сообществ, которые занимаются развитием телесности или культурным потреблением, очень важно уметь организовать свой индивидуальный график с тем, чтобы принимать во внимание



свои потребности. В подобного рода случаях выбирается стратегия рационального использования времени, когда любая свободная минута используется, например, для тренировок или чтения, просмотра видео. Речь идет в данном случае о поездках в метро или времени, проводимом в очередях. Таким образом, происходит реинтерпретация понятия «пустого времени» путем включения его в свободное время.

Анализ описания форм встреч представителей различных молодежных сообществ говорит о том, что для всех групп важную роль в коммуникации начинает играть Интернет. Общим является виртуализация молодежной сцены: везде Интернет выступает одной из базовых площадок поддержания существования сообщества/группы/солидарности. Это не снижает актуальность офлайн общения.

Смещение стилей, проникновение идей из одного сообщества в другие, молодежные формирования характерны для самых разных городов. Включаясь в реальные и виртуальные тусовки, молодые люди пытаются занять собственное место в социальном мире, через разного рода культурные практики и активности преодолеть структурные ограничения и тем самым самоутвердиться и достичь успеха.

Скорость коммуникации и доступность множества каналов связи с человеком (сотовый телефон, почта, социальные сети) дают возможность для более плотного общения. Не в последнюю очередь это связано с переходом Интернета в мобильные телефоны. Как таковое понятие досугового общения теряет свое значение, так как общение возможно и в ситуации учебы. Таким образом, общение является постоянной практикой и для активного пользователя сети Интернет перманентная коммуникация разбавляется оффлайн встречами.

С одной стороны, формируется все возрастающее число самых разнообразных небольших реальных и виртуальных групп молодежи. С другой стороны, в существующем многообразии все сложнее формировать и поддерживать свою уникальность. Таким образом, можно говорить о процессах реинтерпретации понятия индивидуальности, личности, которые происходят в молодежной среде. Это же можно отнести к проблемам исключения и одиночества, которые теряют свой прежний смысл. Как можно быть одиноким в мире, где тысячи людей открыты для общения. В этих условиях на первый план выходит не столько сам факт общения, сколько его качество, которое может оцениваться по самым различным основаниям. Иные, но во многом схожие процессы происходят с феноменом социального исключения. Стигматизация индивида или групп может приобретать или характер мощного социального прессинга, который, в крайнем случае,

приводит к суициду, либо к постоянному ускользанию субъекта, подвергающегося стигматизации из-под социального воздействия.

Многие исследователи и специалисты сталкиваются с тем, что наркотики становятся частью повседневной жизни молодых людей, вытесняя или сопровождая употребление алкоголя, являясь составной частью досуговой активности, специфическим маркером социального «успеха» и играя ключевую роль в идентификации и социализации молодежи внутри групп сверстников. Использование их для поднятия настроения, куража, демонстрации силы, риска, независимости потеряли оттенок чего-то экзотического и выдающегося. Нормализация наркотиков происходит не только посредством расширения терпимости тех, кто имеет продолжающийся наркотический опыт, но и тех, кто опосредованно в него включен, кто отказывается от употребления. Преодоление барьеров идет параллельно с их выстраиванием. При этом для понимания каналов, форм и барьеров личной нормализации опыта необходимо учитывать контекст ближайшего окружения и социальной среды в целом.

«Алкоголизация», в отличие от термина «наркотизация» распространена в академическом дискурсе довольно широко. Традиционно в рамках медицинского дискурса ранняя алкоголизация подразумевает знакомство со спиртным до 16 лет и регулярное его употребление в старшем подростковом возрасте. Непременным атрибутом молодежной культуры является сегодня пиво. Академические дискурсы прочно входят понятие «пивной алкоголизм». И оно действительно является самым популярным напитком среди молодежи. Пиво по праву можно назвать не просто «молодежным напитком», а «повседневным молодежным напитком».

Возраст активного курения совпадает с окончанием школы (а сигарета служит атрибутом «взрослой» жизни). Аналогично воспринимается сексуальное поведение.

Таким образом, на уровне обыденного сознания происходит нормализация многих видов девиантного поведения, а проблемы социализации охватывают все подрастающее поколение: как склонных к поведенческим отклонениям, так и благополучных подростков. Группы риска определяются уже не только в рамках девиантного поведения, но и по другим основаниям, связанным с особенностями формирования социальных сетей и связей детей и подростков.